

INSPIRIA

ЛЭЙ ЦЗЮНЬ

ИГРА

В СЛЕПУЮ

18+

INSPIRIA

Ток. Китайская головоломка.
Хонкаку-детектив из Поднебесной

Лэй Цзюнь
Игра вслепую

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.581-312.9

ББК 84(5Кит)-44

Цзюнь Л.

Игра вслепую / Л. Цзюнь — «Эксмо», 2015 — (Ток. Китайская головоломка. Хонкаку-детектив из Поднебесной)

ISBN 978-5-04-245306-9

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Атмосферный детектив, в котором сыщик-любитель обнаруживает шокирующую правду не только о том, что искал. Тьма — его проводник, слепота — его оружие. Его зовут и Фэн Вэйбэнь, и Бенджамин фон Виттштейн. Он — 18-летний китаец, некогда усыновленный немецкой семьей и живущий в Германии. И он слеп с рождения. Из-за этого у него обострены все остальные чувства. Полагаться на зрение он не может, и ему пришлось развивать интуицию. Она стала уникальной, как у выдающегося сыщика. Страшная трагедия заставила Вэйбэня покинуть Европу и вернуться в Китай: там в одной глухой деревне жестоко ослепили шестилетнего мальчишку. Полиция быстро закрыла дело: преступницей признали тетю жертвы, погибшую вскоре после злодеяния. Но Вэйбэнь понимает, что это не так. Он чувствует себя обязанным помочь потерявшему глаза ребенку и вычислить истинного изверга. Собирая на месте улики и свидетельства, молодой человек замечает, что местные ведут себя необъяснимо странно, и вообще деревня, судя по всему, представляет собой не то, чем кажется. А тут еще появляются два пугающих чужака, которые явно пришли за ним... Переведено с китайского.

УДК 821.581-312.9

ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-04-245306-9

© Цзюнь Л., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

О тайваньской «Детективной премии Содзи Симеды»	7
От издателя. Пугающий шедевр, который является и классическим детективом, и настоящей литературой	8
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Лэй Цзюнь

Игра вслепую

Lei Jun
Yellow

© 2015 by Lei Jun

© Князева Е., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

О тайваньской «Детективной премии Содзи Симады»

В последние годы в китайскоязычном мире наблюдается всплеск читательского интереса к детективному жанру. Огромное количество детективных произведений из Японии, Европы и Америки переводятся и издаются, пользуясь большой любовью читателей. Для поощрения творчества в области детективной литературы на китайском языке, раскрытия потенциала молодого поколения многообещающих авторов детективов, а также для углубления общественного интереса к обсуждению и признанию значимости детективного жанра благотворительный тайваньский Фонд образования «Кинг Кар» – с одобрения японского мастера детективного жанра, представителя школы хонкаку¹ Содзи Симады – учредил присуждаемую раз в два года «Детективную премию Содзи Симады».

Как выразил свои ожидания сам учитель Симада, «сфера детективной литературы, традиционно сосредоточенная вокруг японских талантов, несомненно, передаст эстафету одаренным мастерам китайского языка. Я чувствую, что эта эпоха уже наступила!». Мы надеемся, что благодаря этой премии больше людей вовлечется в создание детективной литературы, открывая читателям новую эпоху в чтении.

Этот международный литературный конкурс уже вступает в свой четвертый цикл. При поддержке господина Симады и издательской группы «Краун» мы стремимся продвигать детективную литературу на китайском языке во всех уголках мира. Мы хотим, чтобы эта премия стала не только важным ориентиром для детективного жанра в китайскоязычном пространстве, но и беспрецедентным событием для всей детективной литературы Азии. Мы с надеждой смотрим в будущее, где писатели детективного жанра, пишущие на китайском языке, выйдут на мировую арену детективной литературы.

¹ Хонкаку – японский термин, обозначающий детективные истории, где автор сосредоточен прежде всего на логической загадке, которую представляет собой преступление, и на решении этой загадки, а всему остальному уделяет гораздо меньшее внимание. Образцами таких историй стали работы некоторых основателей и первых классиков детективного жанра (Эдгара Аллана По, Артура Конан Дойля и др.), а позднее, в 1930-х, когда термин прижился, – и ряда мастеров «Золотого века детектива» (Агаты Кристи, Эллери Куина и др.). Несмотря на то что термин был и остается в широком ходу, постоянно ведутся дебаты о том, насколько он точен, передает ли все необходимые нюансы и какому из его значений нужно отдавать предпочтение при переводе на другие языки.

От издателя. Пугающий шедевр, который является и классическим детективом, и настоящей литературой

(Дальнейший текст раскрывает некоторые сюжетные детали, рекомендуется к прочтению с учетом изложенного)

Новое произведение Лэй Цзюня, автора, который ранее вошел в шорт-лист третьей «Детективной премии Содзи Симады» с произведением «Любовь, несущая видения призраков». Если его предыдущий роман был скорее фантастическим детективом, в котором иррациональный хаос облекался в логические теории, то эта новая работа стала для меня полной неожиданностью из-за резкой смены авторского стиля. Но что поражает еще больше – данный роман представляет собой и виртуозный классический детектив, построенный на игре с читателем, и прекрасное литературное произведение, которое оставляет после прочтения светлое, чистое чувство.

Сюжет развивается по двум временным линиям. Первая – история мальчика, который начинает свой путь в китайском детском доме. Вторая – история слепого главного героя, который, заинтересовавшись жестоким и загадочным преступлением в Китае, отправляется на место, чтобы докопаться до истины. Уже в первой половине книги эти две линии мастерски переплетаются. Но главное достоинство романа – это не просто детективная интрига. Благодаря продуманной структуре и филигранному мастерству он становится произведением, которое можно оценивать не только в рамках жанра, но и как явление высокой литературы.

Как сказал Содзи Симада, в Японии – во многом из-за двойственного наследия Эдо-гавы Рампо – сложилось представление, что детективная литература стоит на ступень ниже «большой» литературы. Именно поэтому с самых ранних этапов развития жанра авторы и критики постоянно задавались вопросом: «Можно ли считать детектив полноценной литературой?» Время шло, и когда Юкито Аяцудзи дебютировал с романом «Убийства в Десятиугольном доме», став знаменосцем син-хонкаку, или «нового классического детектива», сомнения в литературной ценности этого жанра поубавились. Критика сменила вектор – и теперь упрекала авторов в том, что они «изображают не людей». Однако, как указывает Содзи Симада, то произведение было написано с использованием новаторского для классического детектива приема, так называемого «знакового изображения персонажей». История, таким образом, доказала несостоятельность подобной критики в его адрес.

Итак, что же означает упрек «изображает не людей» в отношении классического детектива? Нет, такая постановка вопроса неверна. Возможно, вопрос следует задать иначе: как же в рамках классического детектива как литературного жанра следует изображать человека?

Ответ кроется в данном романе Лэй Цзюня. Если классический детектив – это «механизм, использующий загадки и логику для пробуждения изумления», то внутри этого изумления наверняка скрыто нечто, способное мощно потрясти душу читателя. И это «нечто» – сама суть литературы, которую можно выразить лишь таким расплывчатым словом, как «литературность». Главный герой, действуя как «сыщик» в расследовании преступления, узнаёт правду, скрывавшуюся много лет. Эта структура делает роман превосходным классическим детективом и одновременно блистательной историей взросления, сравнимой с романом воспитания. Хотя завязка сюжета в основном опирается на характерные для классического детектива элементы – «расследование» и «разгадывание головоломок», – чтобы подвести читателя к финальной развязке, где раскрытие истины становится драматической историей самого главного героя, автор виртуозно использует и классические детективные приемы обмана, и острые литературные техники, очаровывая свою аудиторию. В процессе чтения этого романа читатель

неотступно следует за главным героем, познавая мир истории исключительно через его «перспективу». Легко представить, насколько сложной задачей является передача этого мира через текст, опирающийся не на зрение, а на слух, осязание и обоняние. Однако описания в данной книге лишены малейшей натянутости; ее плавная и изящная стилистика в конечном счете сливается воедино с детективной техникой обмана, и такую конструкцию можно охарактеризовать не иначе как «блестящая». Автор использует приемы классического детектива, чтобы «изобразить человека», и создает пугающий шедевр, являющийся и классическим детективом, и настоящей литературой.

Однако, даже признавая литературную ценность романа, следует предупредить читателя: это не просто трогательная история. Литературная форма, известная как детективный роман, созданная Эдгаром Алланом По в «Убийстве на улице Морг», согласно указаниям, изложенным в «Двадцати правилах для пишущих детективы» Стивена ван Дайна и «Десяти заповедях детективного романа» Рональда Нокса, обрела четкую структуру, поддающуюся тиражированию, и постепенно набрала популярность. Затем в Азии японцы, подобно тому как они восхищенно и благоговейно воспринимали западные автомобили, фотоаппараты и другие заморские товары, «слепо» приняли эту новую литературную форму. Впоследствии, хотя концепция детективного романа претерпевала изменения, переходя от «рассуждений» к «классическому детективу», японцы на протяжении долгого времени занимались «постоянным совершенствованием» технических приемов и методов построения сюжета, в итоге отточив утонченную литературную форму, которая использует сам метод классического детектива для «изображения человека». И одним из величайших достижений в этой области несомненно является уже упомянутый роман «Убийства в Десятиугольном доме».

Теперь давайте задумаемся о ситуации в материковом Китае. Там лишь недавно начали широко читать детективы «Золотого века» и японский классический детектив. Однако, в отличие от Японии прошлых лет, китайские авторы обладают огромной уверенностью в своем богатом литературном наследии и накопленном опыте. У них нет ни малейшего комплекса неполноценности перед Западом, и они не боятся «вторжения» заморской литературной формы – детективного романа европейского происхождения. Какие чувства они испытывают, видя в «Десяти заповедях» пункт «В истории не должно фигурировать ни одного китайца»? Рональд Нокс опубликовал свои «Десять заповедей детективного романа» в 1928 году. И здесь возникает мысль: «А что, если...» Что, если этот роман, написанный китайцем, является яростным ответным ударом китайского мира спустя девяносто лет тем на Западе, кто включил в свои «заповеди» пункт о «китайцах» и пропагандировал теорию «желтой опасности»?

Верно. Это произведение, оставляющее после прочтения светлое чувство, таит в себе специфический литературный яд.

Строго говоря, подлинным создателем этой повести является господин Ся Яцзюнь.

Я считаю своим долгом заявить, что работа, проделанная господином Ся Яцзюнем, выходит далеко за рамки простой записи истории, продиктованной мною. Хотя в силу врожденной добродетели – скромности, присущей китайской нации, – он всегда мягко отвергает этот факт. Кроме того, данный текст содержит нарративную уловку – просьба принять это к сведению.

Фэн Вэйбэнь (Бенджамин фон Виттштейн)

Глава 1

На закате угасающее солнце окутывает землю и все сущее последним золотистым покрывалом. В сгущающихся сумерках те, кто трудился весь день, уже измотаны и клонятся ко сну. Древние китайские мудрецы называли это время «хуанхунь» – «желтый сумрак». Эта история начинается как раз с одного такого необычного сумрака.

В день, когда в школе официально начались летние каникулы, молчаливый герр Веймер на своем «Мерседесе», столь же скучно-непримечательном и надоедливо-спокойном, как и он сам, прямо из пансиона отвез меня домой, на окраину Мюнхена. И с тех пор моя скучная жизнь длилась уже больше недели. Летом в Европе световой день становится необычайно долгим. В половине восьмого вечера я сидел на балконе своей спальни, безмятежно читая книгу. Лучи заходящего солнца ласково грели кожу, навевая ленивую, уютную истому; рука начала неприметно ослабевать.

И вот...

Книга выскользнула из моих пальцев и угодила прямо в лежавшую рядом Элизабет.

– Ой! Прости, – поспешно извинился я, и сонливость мгновенно испарилась.

К счастью, великодушная Элизабет лишь негромко хмыкнула и продолжила с увлечением возиться с маленьким футбольным мячом. Это было уже немного ребячеством – ведь ей исполнилось целых семь лет.

– Эй, Сисси, – пробормотал я, – ты же теперь императрица Австрии².

В ответ Элизабет ласково потерлась о мою голень, словно показывая, что и ей это имя нравится больше.

Тук-тук.

В дверь комнаты раздался короткий стук. Уже по одному этому звуку было понятно, что за дверью стоит полноватая фрау Веймер. Эта добродушная женщина работала у нас поваром и экономкой, как говорили, уже больше пятнадцати лет – почти столько же, сколько ее муж был водителем.

– Войдите.

Я услышал, как дверь открылась, но фрау Веймер не вошла внутрь.

– Бен, – сказала она на немецком с густым баварским акцентом, – фрау фон Виттштейн в гостиной. Она хочет вас видеть.

Она имела в виду Марию фон Виттштейн – мою мать. Точнее, мою приемную мать.

– Хорошо, я сейчас спущусь. Спасибо.

– Будьте осторожны на лестнице – полы только что натерли воском, не поскользнитесь.

Я не удержался от улыбки. Уже десять лет – а может, и больше – фрау Веймер повторяет одну и ту же фразу дважды в год, сама, кажется, этого не замечая...

– Я буду осторожен, не беспокойтесь, – ответил я.

Дверь снова закрылась. Вслед за плотными шагами, удалявшимися по коридору, я вернулся с балкона в комнату. Быстро умылся в ванной, затем переоделся в выходную одежду и туфли. К тому времени, когда я был готов, Элизабет уже терпеливо сидела у двери.

– Пойдем, Сисси.

Великолепный золотистый ретривер тотчас подняла голову. Я погладил ее мягкую шерсть на шее и взял в руку поводок, пристегнутый к ошейнику.

Наш дом – симметричной планировки, с лестницей посередине. Моя спальня находилась в дальнем конце коридора на втором этаже и поэтому имела балкон, куда щедро лился солнеч-

² Собаку назвали в честь императрицы Австрии Елизаветы (Элизабет) Баварской (1837–1898), известной также под уменьшительно-ласкательным именем Сисси, которым ее называли родные и друзья.

ный свет, чему открыто завидовала Ясмин. Когда я ступил на деревянный пол коридора, мне показалось, что ощущение под ногами слегка отличается от вчерашнего. Конечно, это была всего лишь игра воображения, вызванная словами фрау Веймер.

Проходя мимо огромного, написанного маслом портрета Софии фон Виттштейн – бабушки моего отца, моей прабабушки, одной из самых красивых женщин Европы своего времени, как говорят, – я по привычке дотронулся до позолоченной рамы. Затем спустился по изогнутой лестнице на первый этаж. Передо мной был овальный холл: лестница и входная дверь находились на противоположных концах, пространство вокруг было украшено ионическими колоннами в древнегреческом стиле. Инкрустированный мрамором пол был ровным и твердым; сквозь подошвы туфель проникала прохлада, особенно приятная в летний зной. С одной стороны холла располагались два кабинета и столовая с китайским столом ба-гуа, а также святая святых – неприкосновенная кухня фрау Веймер. С другой стороны находились просторная гостиная и жилые комнаты, где, как и в каждой спальне наверху, полы были застелены плотными коврами.

Ощутив под ногами эту мягкую текстуру, я громко произнес:

– Мама, вы звали меня?

Со стороны камина раздался нежный голос матери:

– А, Бен, как раз вовремя...

К моему легкому удивлению, мать говорила по-английски. Хотя и прожив на континенте много лет, она была уроженкой Лондона, завсегдатаем «Стэмфорд Бридж»³ и театра «Квинс». К сожалению, в этом доме, где все говорили по-немецки, ее очаровательному британскому акценту почти не находилось применения.

Погодите, значит...

Мы живем в Германии. Если б все присутствующие говорили по-немецки, мать обязательно говорила бы по-немецки. Только что она говорила по-английски. Следовательно, в этой гостиной сейчас находится как минимум еще один, третий человек, не говорящий по-немецки. Все, кто живет в этом доме, говорят по-немецки. Передо мной в гостиной находится некто, не говорящий по-немецки. Следовательно, этот человек должен быть пришедшим извне.

Большая посылка, малая посылка, заключение. Аристотелевский силлогизм. Логика столь строгая, что вызывает восхищение, подобно безупречному произведению искусства. Истинная классика, даже пройдя через века и будучи процитированной бесчисленное число раз, никогда не станет устаревшим клише.

В этот самый момент в мои ноздри проник причудливый смешанный аромат, в котором я сразу уловил женские духи. Не те, что обычно носила мать. В основе – свежий оттенок дуба, словно у только что открытой бутылки красного вина, больше подходящий молодой деловой женщине. Я, конечно, не эксперт в моде, однако близкая подруга Ясмин, Матильда, тоже была верной поклонницей этого аромата, и мне он был знаком.

– Добро пожаловать, – вежливо сказал я по-английски. – Ваш визит – большая честь для нашего скромного дома.

Наша гостья поднялась со стула. Судя по амплитуде движений, это была стройная женщина. На ней не было высоких каблуков, ростом она была немного ниже меня, примерно метр семьдесят.

– Мисс... – мать произнесла нечто невразумительное, – это мой сын, Бенджамин. Бен, дорогой, я хочу представить тебя мисс... – Она снова попыталась повторить имя, но вышло не лучше. – Она сейчас стажер в офисе твоего отца. И, как и ты, тоже из Китая.

Хотя мать изо всех сил старалась говорить официальным тоном, она переусердствовала и лишь выдала свое внутреннее замешательство.

³ «Стэмфорд Бридж» – название футбольного стадиона в Лондоне, являющегося домашним для клуба «Челси».

– Мама, пожалуйста, не произносите ее имя, если не знаете, как оно читается, – тотчас упрекнул ее я, затем перешел на китайский: – Извините, я не расслышал ваше имя.

– Меня зовут Вэнь Юде, – ответила незнакомая женщина также на китайском. – Вэнь – как «теплый», Ю – как «маленький», Де – как «бабочка».

Ведь это очень красивое имя, что это за монстр какой-то... Но, погодите, Юде? Маленькая бабочка? А разве это не гусеница? И тогда я с досадой услышал, как из моих уст вылетел звук, в точности повторявший материнский:

– Я... я Фэн Вэйбэнь. Вэй – как «поддерживать», Бэнь – как «изначальный».

– Хм, Бенджамин фон Виттштейн... Так это китайское имя, составленное из первых букв каждого слова, верно?

– Да, вы абсолютно правы, – неловко ответил я. Еще в 1919 году частичка «фон» исчезла из фамилии нашей семьи. Я лишь ловко позаимствовал старинную историю, чтобы составить обычную китайскую фамилию из «списка ста фамилий».

– Очень приятно познакомиться. – Мисс Гусеница переключилась на английский и протянула руку для рукопожатия. Однако я на полпути передумал, взял ее кончики пальцев и поднес к губам для легкого поцелуя.

– Бен? – удивившись, воскликнула мать рядом. – Когда ты стал таким джентльменом?

– О чем вы? – с неудовольствием запротестовал я. – Я всегда был таким.

– Ладно... Как бы то ни было, я пригласила мисс... – опять неудачная попытка, – сюда сегодня, чтобы обсудить твои планы на летние каникулы. Думаю, ты знаешь, что с того дня, как ты предложил поехать в Китай, мы с папой очень волновались...

– Я говорил, мама, не о чем волноваться – мне уже девятнадцать.

– Только на Рождество будет, – придирчиво поправила мать. – Дорогой, мы, конечно, знаем, что ты способный. Просто с родительской точки зрения...

– Кстати, об этом, – перебил я ее, – а как насчет Ясмин? Ради всего святого, она же отправилась в амазонские джунгли! Бандиты... Каннибалы... Анаконды... Почему-то я не заметил, чтобы вы волновались за нее.

Ясмин – моя сестра, всего на пять месяцев младше. Несколько дней назад, когда мистер Веймер закрыл за нами с Элизабет дверь автомобиля, она беспечно взошла на борт самолета в Рио-де-Жанейро. И что еще больше меня раздражало, родители, похоже, не считали эту идею отвратительной.

– Конечно, о ней мы тоже беспокоимся, – мягко сказала мать. – Но ситуация с Ясмин немного иная. Во-первых, она поехала с друзьями...

– Разве от этого не опаснее? Все знают, что этот тип Мюллер все время строит ей глазки.

– Это слишком жестоко, я считаю Карла хорошим мальчиком. И в любом случае Ясмин уже взрослая и вольна выбирать того, кто ей нравится, разве ты не согласен?

Спорить с матерью бесполезно. Она слишком добра, чтобы предположить чью-то порочность, даже Карла Мюллера. По правде говоря, я не доверял этому типу ни на йоту. Конечно, сама Ясмин – привлекательная девушка, но я был абсолютно уверен, что цель, с которой Мюллер за ней ухаживал, несомненно, заключалась в том, чтобы приблизиться и подольститься к отцу – Герберту фон Виттштейну, одному из немногих, кто спас положение единой европейской валюты во время недавнего долгового кризиса, захлестнувшего континент.

Конечно, при пронизательности отца, какие бы планы ни строил Мюллер, в итоге все выйдет ему боком – по крайней мере, я всегда в это верил. Поэтому был искренне удивлен, узнав, что Ясмин тайно спланировала эту абсурдную поездку, а отец даже не возразил.

– Посмотрим. – Я погрозил кулаком. – Если этот парень посмеет навредить Ясмин, я ему этого не спущу.

– Ладно, ладно, можешь убрать эту свирепую мину старшего брата. Не забывай, у нас тут гостя... – с извиняющейся ноткой в голосе сказала мать. – Мисс... – и снова провал, – мне так неловко...

– Ничего подобного, – засмеялась мисс Гусеница. – Я даже завидую Ямин, что у нее есть такой брат.

Как и я, Ямин была приемным ребенком. До приезда сюда мы несколько лет жили вместе в одном китайском детском доме, поэтому, хотя между нами и не было кровного родства, наши чувства ничуть не уступали чувствам любых родных брата и сестры.

– Итак, вернемся к делу, – серьезно сказала мать. – Во-первых, дорогой, я хочу, чтобы ты понял, что мы с папой всегда полностью поддерживали тебя; на самом деле мы много раз говорили, что однажды ты обязательно вернешься в место, где родился. А то, что ты упомянул ранее, что у поездки есть и такая благородная цель... несомненно, мы этим очень гордимся. – Лесть матери звучала приятно, но я отлично знал, что после таких вступительных слов, вероятно, настанет черед плохих новостей, поэтому просто сохранял молчание. – Твою визу мы уже получили. В последние дни папа снова справлялся у друзей в Китае о карантине для животных, и ответ был таков: процедуры в этом плане довольно сложные и, вероятно, не могут быть завершены в короткие сроки. Таким образом, ты не сможешь взять Элизабет в Китай, а значит, нам придется подобрать тебе попутчика.

– В этом нет необходимости, – упрямо заметил я. – Даже без Элизабет я справлюсь сам.

– Дорогой, будь благоразумнее. Если мы согласимся на твою поездку в Китай, условием должно быть наличие надежного человека, который поедет с тобой, и здесь, боюсь, нет места обсуждению. Единственный вопрос – кто это будет.

– Понятно, – усмехнулся я. – Так вы и нашли мисс Вэнь в качестве моей... сиделки, да?

– Если вы не против, я предпочитаю термин «компаньон», – вмешалась мисс Гусеница.

– О, это действительно меняет все, – не без сарказма заметил я.

– Бен... – Мать вздохнула. – Если тебя это не устраивает, мы можем обсудить и другие варианты. У папы слишком много работы, и ему, возможно, будет трудно выкроить время, но я с радостью поеду с тобой в Китай. Мы просто подумали, что такому парню, как ты, наверное, не хотелось бы, чтобы родители сопровождали его в летней поездке? Мисс... – опять фиаско, – сама китаянка, вы можете общаться на китайском, в путешествии она сможет оказать тебе много помощи. Поскольку вы оба молоды, я не вижу никаких причин, по которым вы не подружитесь сразу же.

– Стажер, да? – В моем тоне звучала насмешка.

– Как в свое время Илань. – Мать все еще тщетно пыталась завоевать мое расположение. – Тебе нравилась Илань, не так ли?

Когда я был совсем маленьким, Илань, студентка по обмену, была моим репетитором по китайскому.

– Вы имеете в виду фрау Шульц? – Я оставался непреклонен. – Тогда, мисс Вэнь... Вы учитесь во Франкфурте?

– Да, во Франкфуртском университете.

– А, хорошая школа! Вы в кампусе Бокенхайм или Вестэнд?

– Ладно, – остановила меня мать. – Уверена, у вас впереди будет много времени для разговоров. Итак, дорогой, если ты согласен, дальше нам нужно кое-что подготовить...

– Мама, – я внезапно сменил дружелюбное выражение лица на холодное, – «но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого»⁴.

– Бен...

⁴ Мф. 5:37.

Мать – набожная христианка, с детства водившая нас по воскресеньям в церковь на службы и на молитвы перед едой. Поэтому я точно знал, что цитата из Евангелия от Матфея поколеблет ее намерение сочинять дальнейшую ложь.

– Не смотрите, что я такой, – усилил я тон обиженной жертвы, – но меня не так-то просто обмануть.

Я изо всех сил старался выразить гнев, вызванный предательством, но с удивлением заметил, что в моем голосе прозвучала неожиданная нота. Легкое, необъяснимое волнение заставило мою руку, держащую поводок Элизабет, слегка дрогнуть.

Глава 2

Чувство неопишемого возбуждения, словно электрический ток, пробежало по моим конечностям и в мгновение ока охватило все тело.

Я лежал на кровати, собранной из железного каркаса и тонких деревянных досок, совершенно без сна. На улице было не так уж и холодно, я плотно укутался одеялом, но все равно дрожал, как осенний лист на ветру, отчего неустойчивый каркас кровати скрипел подо мной.

Где-то рядом витало нечто неизвестное... истина, которую я всегда упускал из виду, но которая неизбежно существовала и находилась в пределах досягаемости. Я остро ощутил, что эта ночь станет необычной, предопределяющей.

Наверху церковные колокола протяжно и мелодично пробили одиннадцать раз – стены комнаты слегка завибрировали. Я с нетерпением ожидал чуда, ощущая, как пересохло во рту и горит горло.

За окном внезапно раздался странный звук. То ли ветер, гуляющий в кронах громадных деревьев, то ли дождь... Да, непрерывный барабаниющий стук капель, падающих на землю. Насекомые уже давно перестали стрекотать. Я наострил уши и сосредоточился в попытке расслышать этот звук более отчетливо. В этот момент дверь открылась, и человек, почти неслышно ступая, подошел прямо к моей кровати.

– Матушка Чжан! – окликнул я.

– А-Да? – с удивлением отозвалась она. – Почему ты еще не спишь?

– Я не хочу спать.

– Глупый ребенок, ты что, боишься темноты?

– А что такое «бояться темноты»?

Матушка Чжан замерла на некоторое время, затем села на край кровати и своей огромной ладонью мягко отодвинула прядь волос, упавшую мне на лоб. Эта шершавая ладонь источала тепло, разгоняя холод, окутавший мое лицо.

– Верно, наш А-Да самый смелый, он не боится темноты, вообще ничего не боится...

Не знаю почему, но мне показалось, что она не собиралась, как обычно, развернуться и уйти, а ее голос стал гораздо мягче. Хотя я по-прежнему не понимал, что же такое эта «боязнь темноты», ощущение, что есть кто-то рядом, было очень приятным.

– Матушка Чжан...

– Да?

– Лэлэ плачет.

– Что?

– Лэлэ опять хнычет.

– Не говори ерунды. Лэлэ с матушкой Хэ уже давно спят. А-Да тоже должен хорошенько поспать.

– Я слышу, как Лэлэ плачет.

– Должно быть, А-Да слышалось. Лэлэ спит в Восточном флигеле, от которого нас с тобой отделяет огромный двор. Даже если кто-то из детей и плачет, услышать это просто невозможно. Я вот ничего не слышу.

Так называемый Восточный флигель – это небольшая пристройка к церкви, в которой отец Мартин с некоторых пор устроил сиротский приют. Если выйти из боковой двери церкви, то, как и сказала матушка Чжан, попадешь в просторный двор и, миновав одиннадцать высоких деревьев, окажешься у ступеней Восточного флигеля. Я прохожу этот путь туда и обратно каждый день и, естественно, знаю его как свои пять пальцев. Впрочем, я, как и всегда, промолчал.

– Матушка Чжан, почему я не сплю в Восточном флигеле?

– Что?

– Все спят в Восточном флигеле, почему только я один должен спать здесь, в церкви?
– Это же прекрасно, – уходя от прямого ответа, сказала матушка Чжан, – вся комната в твоём распоряжении.

– Я не люблю быть один, я хочу спать вместе со всеми.

– Разве мы уже не обсуждали это? Ты сейчас болен, поэтому тебе нельзя спать вместе с остальными.

– Я совсем не болен, – недовольно возразил я. – Когда болеешь, должно быть больно, а у меня ничего не болит.

– Да?.. Это потому, что ты храбрый и хороший мальчик. Но раз уж заболел, то сперва нужно поправиться.

– А когда же я поправлюсь?

– Если будешь хорошо себя вести, каждый день рано ложиться и рано вставать – очень скоро поправишься.

– Тогда я смогу спать в Восточном флигеле?

– Конечно.

– А если другие дети заболеют, они тоже будут спать в церкви?

Матушка Чжан запнулась и не ответила на вопрос. Долетавший из Восточного флигеля плач стал громче; возможно, теперь и она его услышит? Но матушка Чжан не отреагировала, лишь молча сидела на краю кровати; ее большая ладонь продолжала гладить мой лоб.

– Матушка Чжан...

– Да?

– Что такое «красивая»?

– А?.. – рассеянно отозвалась матушка Чжан. Казалось, она не расслышала мой вопрос.

– Сяо Моли красивая? – переспросил я.

– Где ты это услышал?

– Сегодня утром матушка Хэ сказала.

– Матушка Хэ, говоришь?

– Да, она сказала, что Сяо Моли очень красивая.

– Вот как... – Матушка Чжан беспомощно вздохнула, и ладонь у меня на лбу замерла.

– Матушка Чжан, что значит «красивая»?

– Э-э... «Красивая» – это значит, что девочка выглядит... В общем, это говорят, чтобы похвалить девочку.

– Похвалить?

– Верно. Девочкам нравится, когда их хвалят, называя красивыми; ты должен это запомнить.

Выходит, когда сегодня утром матушка Хэ похвалила Сяо Моли, назвав ее красивой, та, кажется, и вправду очень обрадовалась.

– Можно хвалить только девочек, а мальчиков нельзя?

– Да, обычно это так. Подумай сам, если кто-то скажет: «Наш Толстый Папаша на кухне – писанный красавец», это будет... странно.

Это и правда звучало очень странно. Я не сдержался и рассмеялся.

– Ладно, ладно, не смейся, а быстренько засыпай... – пробормотала матушка Чжан, от души зевнув в конце.

Мне не хотелось сдаваться, но я покорно утих, зарывшись в одеяло и больше не шевелясь. Однако, как ни старался, никак не мог погрузиться в сон.

– Матушка Чжан...

– Да?

– Вы тоже красивая, – польстил я ей.

– Глупости какие... – Матушка Чжан легонько щелкнула меня по носу. – Я уже старая и некрасивая.

– Почему вам не нравится моя похвала? – с обидой в голосе спросил я.

– Не в этом дело, – с легкой досадой ответила женщина. – «Красивая» говорят только о молодых... Вот, смотри, Сяо Моли у нас самая младшая, верно?

– Ей три года.

– Верно, Сяо Моли в этом году три года. Скоро наступит Рождество, а потом твой день рождения – тебе исполнится четыре.

– Сяо Моли – сестренка, я – братик.

– Правильно. А ты заботишься о сестренке?

– Конечно, – с гордостью ответил я. Каждый раз в столовой все, что не могла доесть Сяо Моли, я доедал за нее.

Полночный колокол прозвучал над головой, его звук постепенно затих и растворился в полной тишине.

– Боже мой, – воскликнула матушка Чжан, – уже без четверти двенадцать! А-Да, давай засыпай поскорее.

– Не могу, – честно ответил я.

– Так нельзя. Завтра отец Мартин придет учить всех рождественским гимнам. Если сейчас не поспишь, завтра не будет сил.

– В этом году тоже будет елка?

– Конечно, будет, и еще какая! Все вместе будем ее украшать.

Здорово! Я еще помню прошлогоднюю рождественскую елку – она хоть и была на ощупь немного колючей, но, в отличие от деревьев во дворе, источала особенный приятный аромат. Но... что такое «украшать»?

Матушка Чжан снова погрузилась в молчание. Почти в тот же момент мое внимание привлек другой странный звук. Со стороны боковой двери церкви послышались нестройные шаги. Человек быстро поднялся по лестнице и наконец остановился перед дверью моей комнаты. Он тяжело дышал, но пытался говорить приглушенным голосом, издавая забавные шипящие звуки.

– Сестра Чжан, вы здесь?

Это была матушка Хэ. Я почувствовал, как кровать слегка качнулась: матушка Чжан встала.

– Да, что такое?

– Лэлэ в Восточном флигеле сильно плачет; кажется, у нее еще и температура. Не могли бы вы подойти посмотреть?

– Да... Хорошо.

Честно говоря, я давно привык к тому, что Лэлэ плачет по ночам, но сегодня, похоже, ситуация была несколько серьезнее, чем обычно. Лэлэ в этом году исполнилось шесть, но она жила в приюте всего несколько месяцев. Я не мог понять: почему так? Раньше я думал, что все дети родились здесь и остались жить. «Потому что с мамой и папой Лэлэ случились плохие вещи». Расплывчатые объяснения взрослых не давали ответа на мой вопрос.

Матушка Чжан вышла за дверь; я услышал, как она закрыла ее за собой, а затем заперла. В промежутках между шагами двух женщин – тяжелыми и легкими – я слышал, как они тихо переговаривались.

– Сестра Чжан, почему вы здесь? А-Да еще не спит?

– Нет. Кстати, позволь спросить: ты сегодня при нем хвалила Сяо Моли, называя ее красивой?

– Что?.. Говорила, да, но А-Да даже не было рядом в это время.

– Он все равно подслушал... Впрочем, неудивительно – у ребенка слишком острый слух. Представляешь, он отсюда услышал, как плачет Лэлэ, а я не поверила.

– Что? Прямо отсюда? Разве такое возможно?

– Представляешь? И только что он приставал ко мне с расспросами, что значит «красивая»...

– Ох... впредь нам следует быть осторожнее со словами.

– Я думаю, возможно, скоро уже трудно будет продолжать скрывать...

– Что ж, ничего не поделаешь. В конце концов, ему скоро исполнится четыре года...

Звук их голосов становился все менее различимым. Я лежал на кровати, не двигаясь. «Бояться темноты», «красивая», «украшать»... Странные слова всплывали одно за другим, не желая покидать мою голову.

Ускользающая истина внезапно снова возникла передо мной, сейчас она была на расстоянии вытянутой руки. Я хотел схватить ее, но она опять и опять ускользала.

Я зевнул. Сознание, словно поток воды, вовлеченный в водоворот, постепенно становилось все более расплывчатым.

Кстати... Что значит «скрывать»?

Глава 3

– Мама, вы и дальше будете скрывать? – Я невольно почувствовал приступ жалости, однако дать слабину сейчас означало утратить инициативу, которую потом будет не так просто захватить вновь.

Вне сомнений, в этом фарсе мать была всего лишь исполнительницей, за спиной которой всем управлял отец. В европейских финансовых кругах Герберт фон Виттштейн был широко известен благодаря своим бесстрашию и решительности. Даже когда индекс DAX вновь упал ниже пяти тысяч пунктов, он, руководствуясь твердой верой в успех, заручился поддержкой госпожи Ангелы Меркель и в конечном счете содействовал получению Грецией нового пакета спасительных кредитов от Европейского союза. Тем не менее, когда речь шла обо мне, отец всегда легко впадал в панику и часто любил раздуть из мухи слона.

Элизабет стояла у моих ног, спокойная и неподвижная, словно золотое изваяние, будто и она в полной мере осознавала всю неловкость текущего положения. Так же как и другие охотничьи собаки, золотистые ретриверы всегда преисполнены кипучей энергии и редко способны пребывать в состоянии абсолютного покоя. Но проведенные с Сисси строгие тренировки в щенячем возрасте уже успели подавить ее от природы живую и подвижную натуру – такова была высокая цена, заплаченная за мою безопасность. «Это также является одной из причин, почему продолжительность жизни собак-поводырей в целом короче, чем у их сородичей», – с грустью подумал я.

Да, я слепой. Из-за наследственного заболевания, известного как врожденный амавроз, с самого рождения мои глаза были полностью лишены зрения. Хотя ткани стекловидного тела глазного яблока оставались неповрежденными, фоторецепторные клетки сетчатки – колбочки и палочки – полностью утратили способность воспринимать свет. Корень болезни, как утверждают, лежит в рецессивном патогенном гене, расположенном в аутосоме. Человек является диплоидным организмом, и каждая соматическая клетка содержит два набора хромосом. Так называемый рецессивный патогенный ген означает, что если он присутствует только в одном из наборов хромосом, то никаких симптомов не возникает, однако если оба набора хромосом несут этот ген, то проявляется такой случай, как у меня. В настоящее время в медицине по-прежнему не существует эффективных методов лечения врожденного амавроза.

Оказавшись в этом красочном мире, но не имея возможности увидеть его своими глазами, я был бы нечестен, если бы утверждал, что ни капли не сожалею, однако именно поэтому зрение для меня – всего лишь абстрактное понятие, и я могу спокойно принять этот врожденный недостаток. В этом и заключается философия китайской притчи: «Старик у границы потерял коня, но кто знает, не к счастью ли это?»⁵ Если никогда не испытывал чувства обладания, то и не познаешь мук утраты.

Таким образом, мне, вероятно, никогда не удастся по-настоящему понять, через какой ад прошел Сяо Гуан в тот послеобеденный час, когда Бог задремал. Одна лишь попытка представить случившееся заставляет содрогнуться от ужаса и почувствовать мороз на коже, несмотря на летний зной.

Сейчас в интернете этот шестилетний китайский мальчик вызывает сочувствие в сердцах бесчисленного множества людей. Трагедия, случившаяся более десяти дней назад, навсегда изменила траекторию его жизни.

Был ясный день. С самого утра над необъятным Лёссовым плато дул легкий ветерок, в сухом воздухе висела пыль, и все казалось таким же, как обычно. В горной деревушке, где не

⁵ Известная китайская притча. Ее авторство приписывается Хуайнань-цзы – философу и даосу II века до н. э., хотя сама история, вероятно, народного происхождения и была записана им.

было детского сада, после обеда ребятишки со всего села собирались вместе, чтобы лазить по крышам или ловить рыбу, стоя по пояс в воде, наслаждаясь таким детством, какое их городским сверстникам и не снилось.

Никто не подозревал, что в самый разгар их беззаботной беготни и игр чьи-то зловещие глаза из темного укромного угла уже подглядывали за ними, замышляя недоброе.

Пот капал на желтую землю под ногами, и, лишь когда небо начало темнеть, дети, словно уставшие птицы, потянулись по домам. Среди поднимавшегося над домами дыма от очагов одного лишь Сяо Гуана не было видно. Горячая еда на столе успела остыть. Мать, стоя на пороге дома, тревожно вглядывалась вдаль, но Сяо Гуан все не возвращался. Несколько лет назад несчастный случай едва не разрушил их семью, и, хотя они стойко перенесли ту беду, тень от нее так и не рассеялась. Обезумевший от волнения отец в панике метался по деревне. Он даже, преодолевая ужас, заглянул в колодец... Но сына нигде не было.

В деревне, где всегда царили взаимовыручка и поддержка, весть об исчезновении Сяо Гуана мгновенно разлетелась повсюду. Молодые мужчины немедленно отложили миски с недоеденным рисом и самоорганизовались в поисковый отряд. Женщины, столпившись на тропинках между полями, шептались, делясь друг с другом услышанными сплетнями. Благодаря этому направление поисков удалось определить в кратчайшие сроки. Дети из нескольких семей независимо друг от друга предоставили важную информацию: днем они видели, как Сяо Гуана увела какая-то женщина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.